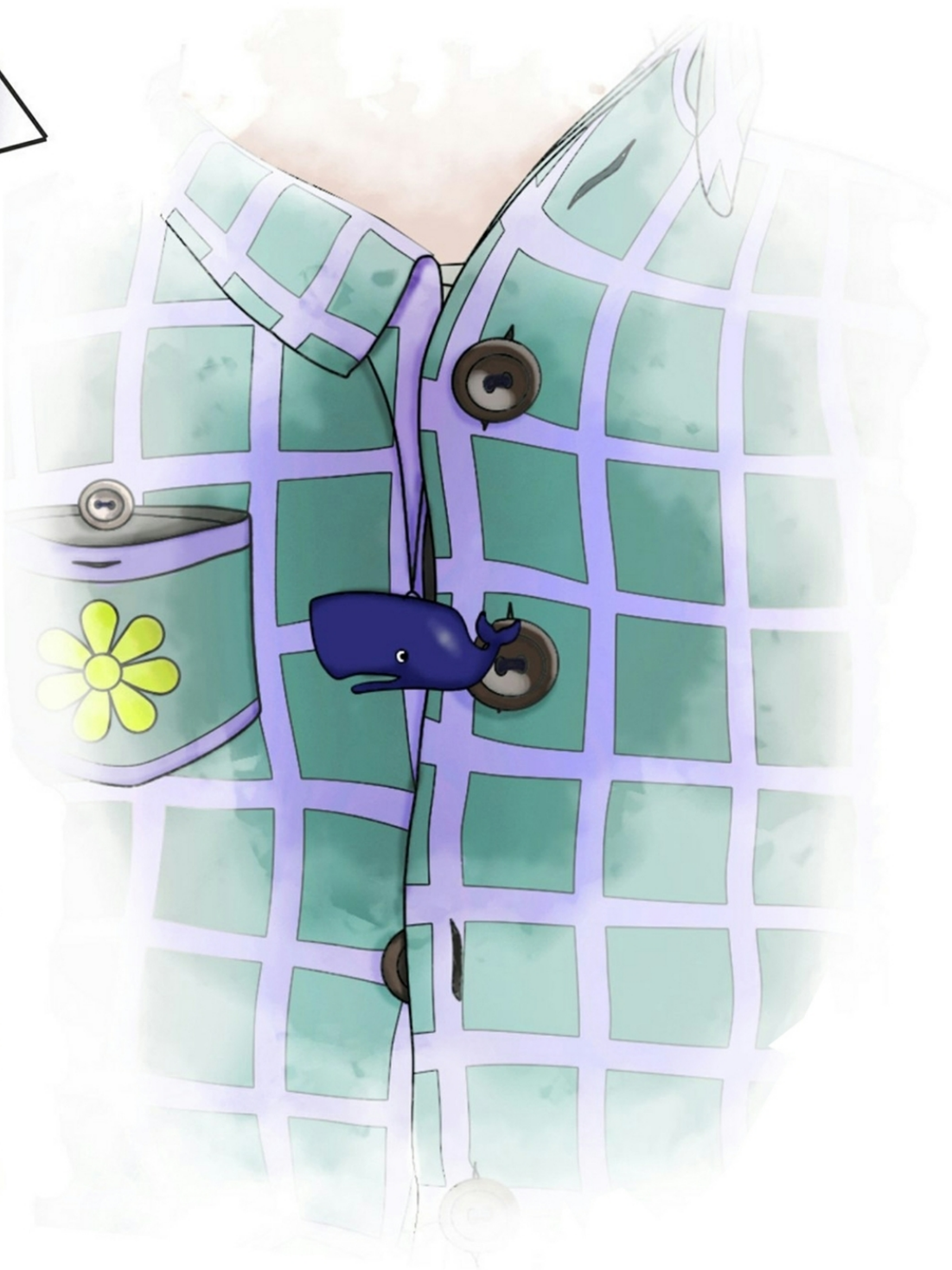

Николай Пинчук

К
А
Ш
А
Л
О
Т

Николай Пинчук

Кашалот

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Пинчук Н. Р.

Кашалот / Н. Р. Пинчук — «ЛитРес: Самиздат», 2018

"Это история про мальчика-аутиста, который по программе социальной адаптации попадает в детский лагерь. Он всеми силами пытается вписаться в пугающее его общество, но это непросто..." - такими словами начинался телевизионный репортаж о премьере спектакля "Кашалот", состоявшейся 1 апреля 2014 г. на сцене Приморского краевого театра молодёжи и ставшего, возможно, первым в России спектаклем на эту тему, да ещё и поставленным силами детско-юношеской театральной студии. Премьера имела широкий резонанс, и неудивительно, ведь режиссёр-постановщик, он же автор пьесы, Николай Пинчук, что называется, "глубоко в теме" и знает о ней практически всё. Формат повести позволил развить историю, представить её более развёрнуто и детально, притом она совсем не потеряла в динамичности сюжета, остроте конфликтов и яркости персонажей.

© Пинчук Н. Р., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Ненужное предисловие	5
1. Ванюша	6
2. Валентина	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ненужное предисловие

С точки зрения автора – совершенно не нужное. Но, как показала обратная связь со многими читателями, в ряде случаев приходится кое-что терпеливо объяснять. Поэтому лучше уж сразу. Итак.

Кому-то эта повесть может показаться фантастической.

Нет. Она, конечно, художественная (сиречь «все персонажи и события вымышлены, любые совпадения – случайны»), но совершенно реалистическая.

Ибо, во-первых, автор имеет сына с синдромом Каннера (одна из форм аутизма), а также работает в Неформальном обществе поддержки людей с аутизмом «Маленький принц», г. Владивосток (www.malenkiy-prints.ru) со многими ему подобными. Так что образ главного героя собирательный, но вполне аутентичный реальному типу таких людей.

Во-вторых, автор за свою 30-летнюю педагогическую деятельность многократно работал в детских лагерях, подобных описанному в повести, так что и эту «кухню» знает получше иного «шеф-повара».

Так что – реализм, реализм и ничего кроме реализма!

P.S.: В начале были пьеса и спектакль: (<https://youtu.be/ikqJmKMfSPA>), потом пьеса переписалась в повесть, которая заняла 3-е место на VII Международном фестивале детской литературы им. Корнея Чуковского (Украина, Одесса-2018) в номинации «Проза для старшекласников и юношества».

Ну, поехали...

1. Ванюша

Тарелка с кашей приятно греет ладони. Запах кипячёного молока успокаивает. Сейчас весь покой – здесь, в руках. Белый круг тарелки, внутри круг поменьше, тоже белый, только с жёлтыми разводами масла – каша. И теплота. И запах. Это покой.

Всё, что вокруг – очень тревожно. Очень громко и враждебно. Особенно там, где дают кашу. Где все едят, и должен есть Ванюша. Он там не может есть. Много шума, много других, и эти другие опасны. Не все. Но многие. Не хочется с ними. Уйти. Унести покой в руках.

Эту комнату все называют «холл». Ванюше нравится холл. Он почти как дома зал. Тут есть диван, ковёр, телевизор, шкаф с книгами и видеодисками. Дома ещё есть спальня, кухня, ванная и туалет. Здесь тоже всё это есть, но они не такие как дома. Совсем не такие. А вместо уютной кухни это большое, слишком большое место, и название у него слишком длинное, Ванюше трудно его выговорить: «сто-ло-ва-я», где всегда так много людей, и все шумят, гремят посудой, ходят туда-сюда – как можно здесь есть? Еда – это покой. Есть надо там, где спокойно.

А холл – он почти как дома. Здесь можно. Только когда ты здесь один. Потому что, когда сюда приходят остальные – холл становится почти как столовая. Приходят, занимают диван, много и громко говорят, размахивают руками, ходят вокруг, подходят... вот это самое плохое, когда подходят. Зачем подходят? Опасно. Ванюше всегда хочется сжаться, особенно когда прикасаются. Когда прикасаются – это самое плохое из самого плохого. Если не мама. Если не папа. И ещё несколько человек, которые свои.

Все другие – чужие. Когда они подходят – страшно. Когда прикасаются – больно. Не так больно, когда Ванюша схватил только что закипевший чайник и обжётся. И не так больно, когда наступил на осколок стекла и порезался. И не так, как однажды бежал вниз по улице, споткнулся и шлёпнулся с разбега об асфальт, ободрал себе локти и ладони. Такую боль он переносил легко, иногда даже смеялся. А тут совсем другая боль, она не снаружи, она внутри тебя вдруг появляется, где-то в животе, а потом ударяет в голову, и всё перед глазами плывёт, и всё тело трясёт, и всё это вроде не больно... но очень больно. Случается, и так, что никто чужой тебя не касается, но случается что-то другое – резкий звук, яркий свет, незнакомое место, где много чужих... да мало ли что может случиться, но всегда одна и та же боль, которая как будто и не боль, но гораздо хуже боли. И для этого...

Для этого у Ванюши на шее на ленте висит надувное резиновое кольцо с пищалкой. Игрушка, которую обычно покупают для совсем маленьких детей, которые даже ходить ещё не могут. Они лежат в своей кроватке, тискают это кольцо, а оно пищит. Так они развлекаются, пока больше ничего не умеют.

Но Ванюша уже не маленький, ему 12 лет. И для него это не игрушка. Когда ему вдруг становится *так* больно, он из всех сил сжимает кольцо, затем отпускает, затем снова сжимает и опять отпускает. Кольцо пронзительно пищит, и Ванюше становится легче. Как будто не ему больно, а вот этой резинке. Это она страдает и пищит от той боли, которая пронизывает всего Ванюшу от живота до головы, да так, что ещё и в ноги отдаётся.

Когда Ванюшу привезли сюда и оставили совсем одного, без мамы и папы, кольцо пищало очень часто, едва ли не каждую минуту. Теперь пореже, вроде привык немножко. Но всё равно очень тревожно. И время от времени резкий писк от Ванюшиной груди заставляет вздрагивать и морщиться всех вокруг.

Папа сказал: «Ты уже большой мальчик, тебе надо привыкать к обществу...» Мама сказала: «Побудешь здесь недельку». Ванюша не знает, что такое «общество» и «неделька», поэтому спросил: «А завтра?» Обычно родители отвечали: «А завтра утром приедем за тобой, и мы вместе поедem в парк (или в кино, или просто домой)», и было понятно и спокойно. Его раньше никогда не оставляли у других (например, у бабушки) больше чем на одну ночь. Но на

этот раз папа ответил: «И завтра здесь побудешь, и ещё шесть дней» – показал он на пальцах и пересчитал их: «Вот, смотри: один день, два, три, четыре, пять, шесть...» Мама поспешила добавить: «А потом мы тебя заберём!» Ванюша понял, что здесь ему придётся пробыть одному очень долго, но главное – заберут. Только непонятно, когда именно, и от этого тревожно, но всё равно заберут. Если мама и папа так сказали, значит так и будет. Им он верит.

В холле никого нет. Это хорошо. Доска! Большая белая железная доска на колёсиках, на ней несколько цветных маркеров и губка для стирания. Надо проверить, всё ли в порядке.

Ванюша поставил тарелку на ковёр и подошёл к доске. Так. Зелёная спираль, начинаясь в середине, разворачивается и упирается своим концом в синий прямоугольник сверху слева. Справа чёрный вытянутый прямоугольник, а за ним несколько маленьких покрашенных красным треугольничков. Ещё несколько небольших коричневых прямоугольников выстроились в ряд по нижнему краю. Вроде всё на месте.

Он нарисовал это ещё в первый день, когда отказался идти со всеми на прогулку, потому что страшно – они даже не представляют, как страшно идти на прогулку с чужими, да ещё и в чужом месте. Его уговаривали то мягко, то строго, то опять мягко, то снова строго, даже попытались взять за руку и повести силой, но Ванюша вырвался, упал на колени, согнулся так, что голова почти касалась пола, и кричал: «Не! Прогулка! Не! Прогулка!» Резиновое кольцо надрывалось от непрерывного пронзительного писка.

Ушли без него. Только Валентину оставили присматривать. Хорошо, что её. Теперь Ванюша знает, что Валентина – своя. Тогда ещё не знал. Но Валентина всё правильно сделала. Не стала приставать, расспрашивать, успокаивать. Просто взяла из шкафа книжку, села на диван и стала читать. Но Ванюша чувствовал, что она его видит. Не глазами видит – глаза были направлены на раскрытую книгу – но как-то видит. Ванюша и сам умел так видеть не глазами – спиной, шеей, затылком, чем-то ещё, что внутри. И сидя на полу согнувшись, спиной к читающей Валентине, он видел, что она видит его. Ну и пусть видит. Лишь бы не трогала.

Успокоившись, Ванюша так же, не поднимая лица и не поворачивая головы, начал оглядываться. Есть такие приборы, локаторы – они посылают во все стороны радиоволны, эти волны отражаются от предметов, которые находятся в зоне действия локатора, и возвращаются обратно. Локатор эти отражённые волны улавливает, и затем можно составить картину того, что творится вокруг. Ванюша не знал, что такое локаторы и как они работают, но сам был как локатор. Он просто чувствовал.

Вот прямо за спиной тепло и спокойно. Это Валентина. Кажется, ей можно доверять. Чуть левее, где стоит шкаф, тоже спокойствие, только другое, гладкое и прохладное. Но почему-то там же ощущается и какой-то простор, как будто сразу за шкафом не стена, а пустота. Впрочем, она тоже беспокойства не вызывает. Значит, шкафу и тому, что за ним, тоже можно доверять. Справа от Валентины, где противоположная от шкафа стена, несколько дыр. Ванюша знает, что это всего лишь двери в спальни, но сейчас воспринимает их как норы, кишашие чужими, которые там скачут, шумят... могут быть опасны. Все или не все? Он не знает. Но лучше туда даже не заглядывать. Прямо перед ним что-то простое, надёжное и полезное – ах да, это грифельная доска на колёсиках. Может пригодиться. А ещё левее и дальше – такая же пустота, какая ощущалась за шкафом, только очень тревожная. Почему? Это ведь просто выход из холла на лестницу. Может, потому что именно туда Ванюшу хотели увести на прогулку вместе с чужими? Нет, не поэтому. Там что-то ещё есть. Может не сейчас. Может, позже появится. Но оно очень страшное. Это надо заметить. Всё надо заметить.

Ванюша встал, подошёл к доске и нарисовал всё, что почувствовал. Сразу стало спокойнее, и он оглянулся на Валентину. Та уже не читала, наблюдая за ним.

– Очень красиво, – сказала она. – А что это такое?

– Это! – отчеканил в ответ Ванюша, указывая на рисунок.

– Да, это, – спокойно согласилась Валентина. – Что это?

– Это! – строго повторил Ванюша, и Валентина поняла, что Это надо сохранить.

Сохранить Это оказалось не так просто. Дело даже не в том, что доску в холл поставили специально для занятий – на ней должны были записывать условия всяких логических задач и тому подобное (текущая смена весенних каникул называлась «Интеллект» – специально для детей, которые и на праздниках были готовы сочетать активный отдых с умственными упражнениями, чтобы потом вернуться в школу крутыми интеллектуалами и хватать «пятёрки» по всем предметам сразу – впрочем, в большинстве случаев так считали не сами дети, а их родители). С доской проблему решили – Анна Юрьевна, директор лагеря, привезла из города рулон ватмана, листы крепили магнитами поверх Ванюшиного рисунка и на них писали всё, что нужно. Но это когда проходили занятия. А в другое время, несмотря на все просьбы и объяснения Валентины и самой Анны Юрьевны, всегда находился какой-нибудь юморист, который норовил то что-нибудь пририсовать на доске, то наоборот – стереть.

Это были чужие. По словам Валентины, они просто «не понимали». По ощущениям Ванюши – они разрушали его (а может, и свою) безопасность.

Вот и теперь: в правом нижнем углу кто-то нарисовал рожу и написал пять букв. Ванюша знал эти буквы: И, Д, снова И, О, Т. Попытался сложить их в слово – получилось что-то непонятное. Впрочем, это неважно. Важно то, что все эти лишние детали на рисунке мешали, запутывали. Надо их убрать.

Ванюша взял губку и аккуратно подтёр всё чужое. Стало спокойнее. Он вернулся к тарелке с кашей, прошёл с ней к дивану, разулся и залез на диван с ногами. Сел на колени, ещё раз полюбовался красивым белым с жёлтыми разводами кругом и радостно, как будто приветствуя, сказал:

– Ка-ша!

Ванюша очень любит кашу и всегда так обращается к ней, прежде чем есть. А все вокруг смеются. А некоторые тоже начали на завтрак, получив свою порцию, громко выкрикивать: «Ка-ша!» Валентина сердится, говорит: «Как вам не стыдно! Немедленно прекратите!» – но всё равно кто-нибудь нет-нет, да и выкрикнет. Ванюшу это не смущает, но иногда пугает, когда кричат слишком громко, особенно над самым ухом.

Язык погрузился в вязкую тёплую массу. Ванюша зажмурил глаза от нахлынувшего счастья. Немного подержав язык в тарелке, он осторожно втянул в рот белый сладкий комочек и принялся медленно разминать его между языком и нёбом, мыча от удовольствия. Наконец проглотив, снова высунул язык и запустил его в кашу. Потом ещё и ещё. Капли каши падали на штаны и на диван, но Ванюша этого не замечал – он полностью растворился в процессе этого умиротворяющего, дарящего тихую радость наслаждения.

– Ванюша! Ваню-ша! – раздалось откуда-то с лестницы.

Он оторвался от тарелки и открыл глаза, прислушиваясь к голосу. Потом улыбнулся, сказал сам себе:

– Вале-тина... – и продолжил есть.

2. Валентина

– Вот ты где? Почему опять из столовой ушёл?

Эти вопросы: «Вот ты где?» и «Почему опять ушёл из столовой?» можно было и не задавать. Потому что всегда уходит из столовой и всегда оказывается именно здесь. И никогда на такие вопросы не отвечает. Он вообще на вопросы не отвечает. Или отвечает, но не так, как ожидаешь, как привык получать ответы. Например, спрашиваешь у человека: «В кино пойдёшь?», и он отвечает: «Да, пойду», либо: «Нет, не пойду». А этот может или повторить твой вопрос слово в слово, да ещё и с точно такой же интонацией: «В кино пойдёшь?» – и в обычном случае показалось бы, что собеседник над тобой издевается, но в его случае это значит, что он не понял вопроса и просто эхом повторяет его. Или ответить одним словом: «Кино!» – что может означать всякое: «Да, в кино, конечно в кино!», либо: «Я знаю, что такое кино», либо: «Пойду, но только в кино», либо наоборот: «Пойду, но только не в кино», либо вообще всё что угодно, например: «Отойди – видишь, я занят...» Сами слова для Ванюши очень мало значат, он больше общается чувствами, да и то далеко не с каждым.

За те несколько дней, что Ванюша провёл в лагере, Валентина как-то научилась различать его *настоящие* ответы, а началось это с того самого «Это!»

Вот теперь он молчит и спокойно продолжает есть, но это значит примерно следующее: «Ты отлично понимаешь, почему я ушёл из столовой и ем здесь. И спасибо тебе, что понимаешь. Я готов слушать тебя, пока ем».

– Ванюша, надо кушать в столовой...

– Не! Столовая! – «Ну зачем ты это говоришь, ты же понимаешь, что я категорически не могу там есть. Там слишком шумно, слишком много людей, почти все они надо мной смеются, я не могу там есть!»

– И опять без ложки... ты же взрослый парень... ешь ложкой!

– Не! Ложка! – «Мне очень неудобны все эти ваши ложки и вилки, я не умею ими есть, я не понимаю, как ими есть...»

– Ваня, на нас уже ругаются из-за тебя... тарелки нельзя из столовой уносить... и вот, опять диван запачкал...

Молчание – «Ну что я могу поделать?... Мне жаль, что они тебя ругают. Но я, честно, пока ничего не могу с собой сделать...»

– А мы сегодня на экскурсию поедem. Водопады смотреть будем. Поедешь с нами на экскурсию? На водопады?..

Отрывается от тарелки, отрешённо смотрит вдаль:

– Водо-пады...

– Да, да, водопады! Они такие красивые... Поедешь с нами?

Закончил есть.

– Тарел-ка! Кух-ня! По-мыть! Отне-си! – соскочил с дивана как солдатик и, не оглядываясь, понёс вылизанную тарелку в столовую.

Ну и как это понимать? То ли уже забыл про водопады, потому что еда закончена, и теперь надо выполнить следующее действие – отнести тарелку на кухню, то ли просто отложил ответ – дескать, там видно будет...

А кроссовки-то остались возле дивана.

– Ваня! Куда босиком пошёл!

Валентина подхватила кроссовки и побежала следом.

Навстречу уже поднималась группа, возвращающаяся с завтрака. Кто-то мимоходом сунул нос в пустую Ванюшину тарелку и вякнул: «Ка-ша!» Хотя ясно, кто – Эдик, конечно. Уже

всем надоело дразнить Ванюшу по части каши, один этот доморощенный «Петросян» никак не уймётся.

Валентина уже не раз работала вожатой в подобных лагерях, но *такая* смена у неё случилась впервые. Как будто пришелец из космоса, совершенно непонятный, даже немного жутковатый – она действительно поначалу побаивалась Ванюшу – но и совершенно беспомощный, вторгся в этот мир и смешал все привычные представления о нём.

Его привезли на третий день смены, когда отряд уже сформировался, познакомился и представлял собой «некое подобие коллектива» – по ироничной оценке Анны Юрьевны. Сама она была предупреждена заранее, но всё равно волновалась – листки документов, которые вручили ей Ванюшины родители, слегка подрагивали в её руках. Отец, как будто извиняясь, говорил:

– Знаете, мы и сами не уверены, стоит ли... но специалисты, которые с нами работают, очень рекомендовали поучаствовать в этой программе...

– Социальной адаптации, – поспешила уточнить мама.

– Да, социальной адаптации... Мы могли отказаться, но потом подумали и решили, что, наверное, надо... пора уже...

– Только вы не волнуйтесь, – заверила мама, которая сама волновалась ещё больше, – он у нас мальчик хоть и... не такой как все, но мирный, неагрессивный. И чуть что – немедленно звоните, мы сразу приедем и заберём его...

Анна Юрьевна взяла себя в руки.

– Значит так, уважаемые родители. «Чуть что» я вам звонить не буду. Вы правильно решили, что согласились на программу. Ваш ребёнок не может всю жизнь провести в своей квартире, а вы не сможете всю жизнь водить его за руку. Поэтому если решили попробовать – давайте пробовать до конца. Можете звонить мне ежедневно, но только раз и желательно ближе к вечеру, чтобы узнать, как дела у вашего мальчика. Но забирать раньше окончания смены – только в экстренном случае. Договорились?

Уверенный тон Анны Юрьевны успокоил Ванюшиных родителей и Валентину, которая присутствовала при разговоре и тоже волновалась, так как догадывалась, что именно ей придётся взять на себя основную часть заботы об этом странном мальчике – иначе с чего бы Анна Юрьевна вызывала её к себе в комнату именно тогда, когда привезли Ванюшу?

На вопрос, что с ним, Анна Юрьевна ответила одним коротким словом: аутизм. И пояснила: это такое расстройство, при котором человек погружен в самого себя, ему чрезвычайно трудно общаться с окружающими, отчего у него порой бывает очень странное поведение. И с каждым годом таких детей становится всё больше. И науке до сих пор точно неизвестно, почему так происходит. Но бросать таких детей нельзя, поэтому существуют программы социальной адаптации, где аутистов стараются как-то научить жить в обществе, хоть это и очень трудно. А ещё добавила:

– Ты ведь слышала, что сказали его родители: мы могли отказаться, но подумали и всё-таки решили... Так вот: я тоже могла отказаться, но всё-таки решила. И очень надеюсь на твою помощь. Я верю, ты сможешь.

Сможешь?.. Порой Валентине казалось, что она вообще ничего не может поделать с этим инопланетянином, руки опускались, хотелось буквально бросить всё и бежать из лагеря, но порой вдруг что-то получалось, и ей хотелось с восторгом завопить во весь голос: «Есть контакт!!!» – но она не делала этого лишь потому, что напугала бы Ванюшу и нарушила с таким трудом установленный контакт. Поэтому «вопила» молча, внутри... «Наверное, я тоже аутист» – шутила она сама про себя.

Так, а почему дети поднимаются из столовой одни? Где Сергей? Ей что, кроме Ванюши ещё и его за руку водить – такого же, как она, вожатого?

– Кира, вы почему сами идёте? Сергей где?

– А он там внизу с кем-то по телефону разговаривает. Сказал: не маленькие, не заблудитесь...

– Замечательно... – Валентина почувствовала, что накопленное за это утро раздражение готово прорваться наружу, остановилась и сделала глубокий вдох-выдох. – Ребята! Внимание! По спальням не разбредаемся, собираемся все в холле, ждём меня. Я сейчас к вам поднимусь. Ясно?

Ванюша тем временем уже скрылся из поля зрения, и Валентине пришлось прибавить шаг, чтобы его догнать.

Этот день действительно начался очень неудачно, все планы смешались, всё пошло наперекосяк.

Сразу после завтрака они должны были, не заходя в палаты, сесть на автобус и поехать на заранее объявленную экскурсию на водопады. Автобус прибыл точно вовремя, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.